

Орден Великого Небытия раскинулся на юго-востоке мира самосовершенствования. Владения его были огромны: бесчисленные горные хребты сменяли друг друга, взмывая к небу грозными, крутыми кручами. В народе эти края исстари звали краем «Семидесяти двух величавых вершин, что подпирают облака».

Шесть старейшин ордена владели шестью главными вершинами, каждую из которых называли по имени хозяина: пик Южного Великолепия, пик Пурпурного Заката, пик Ковки Механизмов, пик Целебной Долины, пик Тихой Радости и пик Беззаботности.

Лишь глава ордена обитал на главном пике, который испокон веков именовали пиком Достигающим Облаков, и это древнее имя никогда не менялось в угоду новому владыке.

Личные ученики старейшин и самого главы ордена считались прямыми преемниками. Таких избранных насчитывалось чуть более сотни, и каждого наставники воспитывали под собственным присмотром. Обычных адептов было около трех тысяч; они селились на малых вершинах и в назначенные часы поднимались к Залу Проповедей, чтобы внимать мудрости учителей.

У подножия гор ютились десятки тысяч внешних учеников. Лишенные напутствия великих мастеров, они брели по пути совершенствования наощупь, полагаясь лишь на редкие подсказки распорядителей да пыльные трактаты.

Помимо них в ордене жили слуги — простые смертные, обделенные духовным даром, но не сумевшие смириться со своей долей. Они освоили лишь самые простые техники дыхания, и хотя никто не признавал в них истинных заклинателей, в душе каждый из них до последнего лелеял робкую надежду однажды возвыситься над бренным миром.

Приближалось великое состязание ордена, проводимое раз в десять лет. Внешние и внутренние адепты, равно как и личные ученики старейшин, воспрянули духом, усердно предаваясь тренировкам.

Из соображений древней традиции к состязанию допускали ровно пятьсот человек: сотню прямых учеников, триста адептов внутреннего круга и лишь сотню — внешнего.

Поэтому перед началом турнира в ордене разгоралась нешуточная, жестокая борьба на предварительных отборах.

Внешние ученики рвались изо всех сил, желая пробиться в заветную сотню лучших, чтобы сразиться на равных с внутренним кругом и, если повезет, заслужить право войти в него навсегда.

Внутренние адепты стремились войти в число трех сотен сильнейших: это давало шанс скрестить оружие с преемниками старейшин. Блестящее выступление на глазах у мастеров могло обернуться величайшей удачей — возможностью стать чьим-то личным учеником.

Что до прямых учеников, их было немного, и почти никто не рисковал вылететь на отборах. Почти каждый из них получал путевку на турнир без лишних преград.

Однако и среди них соперничество разгоралось нешуточное. Всем хотелось занять место повыше, ведь чем ярче сияет твой талант, тем благосклоннее взор наставника и тем щедрее поток редких снадобий и артефактов для развития сил.

К тому же на этот раз награда была небывалой: первой двадцатке победителей выпадала честь сопровождать главу ордена к Горе Лазурного Севера, чтобы заглянуть в Малое Иллюзорное Царство.

Орден Великого Небытия затаил дыхание, охваченный смутным, лихорадочным нетерпением.

— Отчего в ордене вдруг стало так беспокойно?

Цю Чэньчжи, облаченный в белоснежные одежды, стоял на вершине горы Лазурных Облаков. На его поясе покоился верный клинок. Окинув взглядом раскинувшиеся внизу пики, он повернулся к Мо Ханю.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Чэньчжи поселился в уединенной обители Мо Ханя. Жизнь текла мирно. Хотя хозяин то и дело вовлекал гостя в долгие споры о тонкостях фехтования и звал состязаться на мечах, здесь царил желанный покой, позволивший Чэньчжи наконец перевести дух и ослабить извечное напряжение.

Будучи старшим учеником главы ордена, Мо Хань питал отвращение к мирской суете. Он не пожелал жить со своими братьями на шумном пике Достигающем Облаков и обосновался отдельно.

Глава ордена, души не чаявший в талантливом ученике, щедрым жестом пожаловал ему в личное владение целую гору.

Гора Лазурных Облаков хоть и уступала размерами владениям старейшин, все же была просторна и необычайно живописна: ущелья кутались в нежную предрассветную дымку, меж камней журчали хрустальные ручьи, вековые сосны гордо тянулись к небу, а шелест ветра в кронах рождал дивную, умиротворяющую музыку.

К тому же молчаливый Мо Хань оказался идеальным соседом, чему Цю Чэньчжи не мог не радоваться.

Когда юноша принимался расспрашивать его о тайнствах владения мечом, Чэньчжи без зазрения совести пускал в ход философские концепции из прошлой жизни. Краткими, туманными фразами он умудрялся ловко водить собеседника по тернистым тропам познания, заставляя того метаться между тремя стадиями созерцания: «видеть в горе лишь гору,

перестать видеть в ней гору и, наконец, вновь узреть гору как она есть».

Если же Мо Хань настаивал на настоящем поединке, Чэньчжи оставалось лишь обнажить свой верный клинок — древнее бессмертное сокровище, покоившееся на бедре. Обычными, бесхитростными ударами он умудрялся за два-три выпада оставить очередную зазубрину на мече соперника. Лишь страх за оружие заставлял этого безумного ценителя стали спешно прекращать бой.

Всего за несколько дней великолепный меч Мо Ханя, гордо именовавшийся «Фуюнь» — Плывущим Облаком, покрылся глубокими шрамами. На его некогда идеальном лезвии красовалась причудливая сеточка трещин, живо напоминавшая произведения постмодернистов.

Чэньчжи даже испытывал легкую жалость к несчастному оружию.

Однако Мо Хань не только не горевал о поврежденном клинке, но всякий раз застывал с выражением глубочайшего озарения на лице. Его мастерство росло не по дням, а по часам, а вместе с ним крепла привязанность и доверие к Чэньчжи.

С каждым днем юноша проводил рядом с ним все больше времени, непрестанно упражняясь с мечом. Стоило Чэньчжи завидеть его силуэт, как в памяти невольно всплывали десятки отточенных связок и приемов Мо Ханя.

Глядя на все это, Чэньчжи и сам начинал верить, что постепенно превращается в умудренного опытом бессмертного старца.

Но покой длился недолго. Стоило главе ордена пообещать победителям доступ в Малое Иллюзорное Царство, как даже Мо Хань, чья душа безраздельно принадлежала мечу, воспрянул духом и забросил сон ради изнурительных ночных тренировок.

Еще вчера адепты ордена Великого Небытия увлеченно перемывали кости старейшинам, упиваясь нелепыми слухами, а сегодня их словно подменили. Между учениками вспыхнуло нешуточное соперничество, превратившееся в тихую, беспощадную войну за первенство.

Время пролетело незаметно. До начала великого состязания оставались считанные часы, и Мо Хань со дня на день должен был отправиться на арену. Именно поэтому Чэньчжи и решил нарушить молчание.

Паривший в облаках Мо Хань обернулся, спешно опустил на землю и подошел ближе:

— Чэньчжи, неужели ты почувствовал... что мой разум беспокоен?

Цю Чэньчжи слегка качнул головой:

— Вовсе нет. Я говорю о твоих собратях по ордену.

Мо Хань тихо вздохнул:

— Чэньчжи, известно ли тебе о Малом Иллюзорном Царстве, что сокрыто на Горе Лазурного Севера?

Чэньчжи внутренне встрепнулся.

"Ну надо же! Классика жанра! В любом приличном романе о совершенствующихся сперва идет великий турнир, где главный герой купается в лучах славы, а следом открывается тайное царство — идеальное место, чтобы собирать сокровища, воровать редкие травы и покорять сердца прекрасных дев. Увидеть такое воочию... От предвкушения прямо-таки дух захватывает!"

Мо Хань меж тем продолжал:

— Редкие сокровища и чудодейственные снадобья Иллюзорного Царства меня не прельщают, как не прельщает и наследие древних владык. Мне довольно клинка в моей руке.

— Однако с тех пор, как ты разделил со мной кров, я осознал: путь меча куда глубже, нежели я полагал раньше. В этих стенах я слишком долго топтался на месте. Мне нужно покинуть орден, чтобы закалить свою волю и отточить мастерство в суровых испытаниях.

С этими словами он нахмурился и устремил на Чэньчжи свой обычный холодный, но сейчас странно взволнованный взгляд:

— Чэньчжи, отправишься ли ты на состязание вместе со мной?

Стоящий перед ним юноша в белых одеждах отозвался с привычным бесстрашием:

— Я не принадлежу к твоему ордену и не могу участвовать в битвах.

— Вовсе не обязательно сражаться, — мягко возразил Мо Хань. — Достаточно просто быть зрителем.

"Какое облегчение!"

Поняв, что махать мечом на глазах у толпы не придется, Чэньчжи облегченно вздохнул и произнес:

— В таком случае я с радостью составлю тебе компанию.

При звуках этого чистого, прохладного голоса во взоре Мо Ханя наконец промелькнула едва заметная нежность. Повинуясь привычке, он бережно обхватил запястье Чэньчжи. Его пальцы скользнули по обнаженной коже выше рукава, словно лаская рукоять бесценного, совершенного клинка.

— Мой разум чист, в моем сердце лишь меч, а потому мне неведом страх, — тихо произнес он.

"Ты и есть тот самый единственный меч в моей судьбе."

Чэньчжи уже настолько привык к его прикосновениям, что даже не обратил внимания на эти вольности. Он лишь негромко скомандовал:

— Тогда в путь.

"И зачем я только согласился?.."

Оказавшись перед безбрежным белым морем, Чэньчжи обреченно замер.

Всюду, насколько хватало глаз, толпились адепты в белоснежных одеждах, тесно прижавшись друг к другу у края боевых арен. Руководство ордена никогда не запрещало ученикам присутствовать на турнирах, так что помимо участников огромный плац заполнили тысячи зевак.

Внешние ученики щеголяли в простых белых робах без единого украшения; у внутренних на рукавах виднелась скромная серая вышивка в виде облаков, но от этого их наряды не казались менее ослепительными.

Вся эта огромная, возбужденная толпа перемешалась в единое сияющее месиво, стерев любые видимые грани между сословиями.

Тяжелее всех пришлось Чэньчжи. Спасаясь от невыносимого блеска, он взобрался на раскидистый старый платан у края площади и теперь тщетно пытался укрыться среди густой листвы.

"Еще немного, и я заработаю снежную слепоту!"

Когда они с Мо Ханем только ступили на площадь, Чэньчжи едва не лишился дара речи от

этого буйства белизны.

Сам он тоже носил светлое даосское платье, но лишь потому, что выбора не было: в гардеробе его соседа не нашлось иных цветов.

Втайне Чэньчжи всегда предпочитал строгий черный. К белому он относился сдержанно, но когда вокруг него шумели тысячи людей, облаченных в слепящие одежды, в его душе невольно зарождалась смутная тревога.

Вся окружающая его толпа казалась пугающе чистым листом.

Как поведал ему Мо Хань, тысячу лет назад орден Великого Небытия был безвестной, крошечной школой. Но судьба явила им великую милость: прежний глава ордена повстречал спустившегося с небес бессмертного владыку и удостоился его напутствия.

Услышав те мудрые слова, наставник словно прозрел. Избавившись от оков заблуждений, он обрел невиданную силу и в конце концов превратил скромную обитель в могущественнейший клан Срединной Равнины.

Небесный гость назвался Истинным владыкой Великого Небытия — Тайсуй-чжэньжэнем. В память о нем благодарный преемник переименовал орден и повелел всем адептам носить чисто-белые одежды, подобные одежаниям небожителей. Это должно было напоминать о милости высших сил и символизировать их вечное стремление к духовному вознесению.

Со временем даже ворота, мостовые и величественные залы ордена начали строить из белоснежного мрамора. Издали вся гора казалась укрытой вечным, ослепительным саваном.

У Чэньчжи уже нестерпимо резало в глазах. Он собирался было попросить Мо Ханя вернуть его в уединенную обитель, но не успел произнести ни слова: от главы ордена, Истинного владыки Тяньцина, пришло срочное послание с требованием немедленно явиться к нему.

Мо Ханю оставалось лишь виновато посмотреть на спутника. Попросив Чэньчжи не бродить в одиночку, дабы не заплутать в незнакомом месте, он растворился в воздухе так стремительно, что даже его подол не успел колыхнуться.

Лишенный дара полета Чэньчжи некоторое время растерянно стоял на месте, а после нашел развесистое дерево, вскарабкался повыше и замер на толстой ветке, печально заложив руки за спину.

"Если даже земной орден так утомляет взор, каково же тогда в Высшем Царстве? Если там действительно все вокруг стерильно-белое, то окажись я там хоть самым Почтенным Бессмертным — сбежал бы в первый же день! Кажется, у меня окончательно пропало желание усердно тренироваться ради вознесения..."

От нечего делать он опустил взгляд, стараясь не смотреть ни на толпу, ни на собственные белые одежды. Взор его упал на меч у бедра.

Пожалуй, это была единственная деталь его облика, лишенная белизны.

Удивительно, но это грозное оружие, которое все вокруг почитали за божественный артефакт, Истинный владыка Тяньцин почему-то не стал забирать, позволив Чэньчжи оставить его у себя.

Сверкающее лезвие спало в недрах темных ножен. Пальцы Чэньчжи задумчиво скользнули по гладкому лаку, медленно поднимаясь к рукояти.

Его большой палец привычно коснулся едва заметной резьбы.

Он помнил этот узор наизусть, ведь проводил по нему бесчисленное множество раз. Там был вырезан всего один иероглиф.

«Мин» — Преисподняя.

Он скользнул взглядом по собственной груди, словно надеясь сквозь плотную ткань рассмотреть бледный шрам возле сердца.

Окружающие искренне верили, будто он — дух меча, явившийся в мир. Но сам Чэньчжи твердо знал: этот клинок был вырван прямо из его груди.

И это оружие никогда ему не принадлежало.

"Кто же его истинный хозяин?.."

— Даос! Даос Цю! Это и правда вы! А я уж подумал, что обознался!

Звонкий, радостный юношеский голос прервал его размышления. Чэньчжи удивленно глянул вниз.

У подножия дерева стоял молодой человек лет шестнадцати-семнадцати, восторженно задрал голову. На нем красовалось то самое слепящее даосское платье, однако ворот и рукава украшали изящные алые узоры — знак того, что перед ним прямой ученик одного из мастеров.

"А, это же тот самый славный малый..."